

АТЬСЯ

One
hope

ОСИП БЕС

СТЕКЛО

Осип Бес

Стекло

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21617458

ISBN 9785448325410

Аннотация

«Стекло» – роман о невозможности жить внутри обмана, о живом мире и мертвой догме. Панки, неформалы, дух конца 90-х – начала нулевых. Это те, кого привыкли называть отбросами общества. Хроники поколения провала, биография детей хаоса. Это вызов времени и битва за правду.

Содержание

Стекло	5
Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	44
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Стекло

Осип Бес

© Осип Бес, 2016

© Владимир Фуфачев, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4483-2541-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Стекло

*Я говорил тебе, моя душа кричать не умеет,
умеет реветь. Протяжно и бесновато.*

*Прыгая на стенки тела, разбивая о них свою
голову.*

И вот когда ее рев затихнет – я умру.

*«Скажите, мы приходим в этот мир, чтобы
быть мясом для бешеных псов?»*

Нам обещали встречу с Богом, но где он?..

*Нет, я не доплыву до них. Все больше и больше,
погружаясь в гниющую воду, я счастлив только
тем, что знаю об их существовании...»*

Александр Бурганов

Глава 1

«Мое поколение молчит по углам

Мое поколение не смеет петь...»

К. Кинчев

День начинался, как обычно, хмуро. Дин шлепал по лужам, беспрестанно чиркая спичками о замусоленный коробок. Спички подходили к концу, а сигарета так и продолжа-

ла торчать в зубах. Он остановился и огляделся по сторонам. Стояла поздняя осень, озверевший, казалось, от тоски ветер срывал последние листья с деревьев и завывал в подворотнях, дождь шел не переставая, а тяжелые тучи царапали брюхом крыши многоэтажек.

– Время горячего глинтвейна и теплых компаний... – слышался сзади знакомый голос. Дин обернулся, прямо перед его носом взметнулось пламя зажигалки.

– Пицца, придурок! Убери свой огнемёт! – отшатнувшись, заорал он, – прикурить давать – это тебе не котлеты жарить!

Тот отряхнулся по-собачьи и спрятал зажигалку. Он явно был доволен своей выходкой, но теперь он радовался чему-то другому. Поглядывал на него, ухмылялся и все время подмигивал.

Дин не выдержал.

– Пицца, у тебя нервный тик, что ли, че ты все глазами хлопаешь?

– Дятел ты, – обиделся Пицца, – я косуху себе купил новую!

Он действительно был одет в болтавшуюся на нем косуху, явно для него великоватую. Все прекрасно знали Пиццину тягу к большим вещам. Его вид порой вызывал улыбки у всей, уже переставшей чему-либо удивляться, компании. Футболки его свисали чуть ли не ниже колен, ботинки были просто огромны, а заправленные в них штаны вечно разве-

вались по ветру, как паруса, делая его похожим на надутую куклу. Иногда кто-нибудь подтрунивал над Пиццей по этому поводу, тогда он сопел, оправдывался, но ничего с собой поделать не мог. То ли с глазомером, то ли с терпением у Пиццы было что-то не в порядке.

– Вижу, вижу, – сказал Дин сквозь смех, – правда, она у тебя больше на плащ похожа, а еще ее можно на грузовик надеть, и все будут думать, что это слон из зоопарка убежал, опять размера, что ли, не было?

– Так вот именно, – начал объяснять Пицца, стараясь не замечать насмешек товарища, – говорят, одна осталась, а привезут только в следующем месяце. Я же столько ждать не могу, правильно? У меня бы и деньги уже кончились... А потом подумал – так даже лучше, вдруг на улице спать, или, скажем, в подъезде. Завернулся – и не холодно!

– Ты бы ее лучше тогда сразу в палатку перешил!

– Да ну тебя на фиг! – буркнул Пицца. Он отвернулся, порылся в своих неисчислимых карманах, закурил и тут же закашлялся.

Этим летом Пиццу сильно избили, когда тот возвращался вечером домой. Он получил сотрясение мозга, перелом двух ребер, да и вообще был похож на отбивную. Но больше всего его расстроило то, что эти, как он сам выражался, «чайники» обрезали его любимую футболку где-то по пояс и сбрили ему ирокез. Впоследствии выяснилось, что «чайники» – это местная дворовая шпана, другими словами, обыч-

ные гопники, которые, наутро протрезвев, вспомнили, что Пицца прекрасно знает, где они все живут, и даже стали догадываться, чем это все может для них обернуться. Два дня подряд они ходили к нему в больницу, извинялись и умоляли не писать на них заявление. Но Пицца и не собирался это делать, справедливо рассуждая: «Чем глупее, тем вернее». И действительно, гопники в его районе их больше не трогали, а с Пиццей вообще здоровались за руку. Через две недели сияющий Пицца вышел на волю, напился и тут же попал под машину, обошлось это ему переломом ноги, а через два дня у него обнаружили рак. Но Пицце все было нипочем. Курить он продолжал как паровоз, а на все жалостливые взгляды пожимал плечами, улыбался и говорил, что, мол, больше вас всех проживу, вместе взятых. Пицца был законченным оптимистом; ни горевать, ни злиться, ни обижаться он просто не умел.

Вот и сейчас Пицца тут же просиял, выудил из кармана пятисотрублевую купюру, помахал ею у Дина перед носом:

– Ну как?! Двигаем ко мне, отметим покупку, – сказал он весело и, не дожидаясь ответа, зашагал к остановке. Дин пожал плечами. Домой не хотелось, а стоять под дождем тем более.

– Пицца, погоди! – крикнул он исчезающему в дымке дождя товарищу.

Уже вечерело, и они торопились добраться домой без приключений. Кругом загорались яркие огни реклам, бро-

сая длинные блики на мокрый асфальт, ветер немного утих, и капли больше не били в лицо. Они на ходу запрыгнули в автобус и растворились в шуме большого города.

– Анна, садись есть! – донесся из кухни голос матери.

– Иду, иду, мамочка! – крикнула она в ответ и снова погрузилась в свои грезы.

Как он сегодня посмотрел на нее! Евгений! Мечта любой девчонки в их школе. Не то что бы она была от него без ума, просто хотелось насолить одноклассникам, пройдясь с ним под ручку у всех на виду.

Она покосилась на компьютер, стоящий на столе в углу. Реферат сдавать в понедельник, а у нее еще ничего не готово.

– Аня, долго тебя ждать?!

Скорчив недовольную гримаску, она поднялась с кровати, помыла руки и, сев за стол, улыбнулась матери.

– Как дела в школе? Реферат написала? – с наигранной строгостью спросила мать.

– Завтра после танцев напишу, – ответила Аня, принимаясь за еду, – Ирина Михайловна сказала, что завтра мы пораньше закончим.

– Не разговаривай с набитым ртом. – Мать погладила ее по голове и вышла из кухни.

На прошлых занятиях в танцевальной студии Аня не бы-

ла, простудилась и просидела дома, Танька, ее лучшая подруга, рассказывала, что было довольно весело, хотя Таньке везде было весело, такой она была человек.

Надо же ей срочно позвонить, пока та не легла спать, вспомнила Аня, и стала быстро набирать номер.

Долгое время в трубке раздавались гудки, потом сонный Танькин голос проямлил что-то несуразное.

– Тань, привет! Таня, проснись! Зайдешь за мной завтра?

– А, Энни, это ты, привет! Я уже спала.

– Так ты зайдешь?

– Нет, не получится, меня завтра отец на машине ответит. Кстати, он мне видеокамеру купил, я возьму, поснимаем! А что там у тебя с Женькой?

– А ты откуда знаешь? – удивилась Аня.

– Ну, я же твоя подруга, – важно сказала Танька, – я просто обязана все о тебе знать!

– Да ничего пока, Женя, конечно, милашка, но мне надо подумать.

– Не упusti его, дурочка, такой парень! Девчонки рассказывали, что как-то видели его...

– Тань!

– У него такой...

– Таня!

– Я бы, на твоём месте, с ним...

– Да замолчи ты наконец! Любовь не измеряется длиной! И я не знаю, куда катится мир, если все думают только

об этом!

Танька замолчала.

– Ладно, извини, – тихо сказала Аня, – я не хотела тебя обидеть.

– Да нет, ты права, – она немного помолчала, – а не пора ли нам спать, подруга? -зевнув добавила она- Вставать рано придется.

– Наверно, пора... до завтра!

– Пока!

Аня повесила трубку, взяла со стола кружку уже остывшего чая и выглянула в окно. Тени деревьев метались по двору, в их танце было что-то мистическое, вдруг все показалось таким маленьким и незначительным, да и сама она всего лишь маленький огонек спички в этой безграничной и безмолвной ночи, и сможет ли она за свою жизнь хоть кому-нибудь осветить путь... Аня вздрогнула, отвела глаза, допив чай, чуть не уронила кружку.

– Все, хватит! – Она помотала головой, – в душ и спать!

Что-то мягкое стукнулось в ее ногу. Аня посмотрела вниз, щенок сенбернара, по кличке Мишка, неуклюже тыкался в нее мордой. Аня взяла его на руки. Маленький и косялый щенок, очевидно смутно догадываясь о том, что вскоре поднять его будет не под силу с благодарностью принимал то, что вся семья таскает его на руках.

– Ну, Медвежонок, что ты обо всем этом думаешь?

Песик виновато завилял хвостом, не понимая, чего, соб-

ственно, от него хотят, и на всякий случай лизнул хозяйку в нос.

Жил Пицца один в двухкомнатной квартире, больше напоминающей пещеру, чем жилище человека. Из мебели там были лишь два стула, столик со сломанной ножкой, две колонки, усилитель и кресло-качалка. Остальное Пицца выкинул, как он сам говорил, за ненадобностью. В углах слежалась пыль и по всюду катались, напоминая икру золотой рыбки, пули от пневматической винтовки.

Надо сказать, что многочисленные Пиццины гости любили развлекаться тем, что время от времени обстреливали местную дворовую шпану из окон квартиры, предварительно погасив в окнах свет. Дело в том, что Пиццин двор, как и многие дворы в округе не страдал излишней иллюминацией. Проще говоря, было темно, хоть глаз выколи. Снизу, из темноты, периодически, доносились возгласы и брань. Самих говоривших видно не было, до тех пор пока они не начинали курить. Вот тут то и появлялись гаденькие улыбки на лицах застывших у раскрытого окна с винтовкой пацанов. Шпана сыпала угрозы в темноту, но понять откуда стреляют она, соответственно, не могла. Так что винтовка, старый, потрепанный «Ижак», всегда покоилась на подоконнике. От куда она вообще появилась, как не старались, ни кто вспомнить так и не смог.

Была еще маленькая тумбочка на замке, где Пицца хранил фотографии детства, разные безделушки и замусоленного плюшевого мишку. Все это было его сокровищем, его памятью о погибших, три года назад, родителях. Младшую сестренку Пиццы забрали дальние родственники, а сам он остался не у дел. Поначалу, конечно, они ему помогали, но, когда Пицце исполнилось восемнадцать, совершенно о нем забыли. Так он и жил, среди валявшихся повсюду пустых бутылок, среди ободранных плакатов «Гроба» и томиков Достоевского. На его двери была корявая надпись «ПАНК НЕ СТУХ!!!», убеждающая всех проходящих мимо, что хозяин все еще жив.

А сейчас под этой самой надписью, на позаимствованных, видимо, из-под соседних дверей ковриках мирно посапывал их старый знакомый, скин, по прозвищу Тимон.

– Встать, солдат, война идет!!! – что было мочи заорал Пицца ему в ухо.

Вытаращив глаза, Тимон подскочил, ударившись своей лысой головой о дверную ручку.

– А, это вы, со своими шуточками, – пробурчал он, почесывая ушибленный затылок, – а у вас, товарищ Пицца, между прочим, эти самые шуточки представляют серьезную угрозу для общества!

– Плевать я хотел на общество! Я всегда против него, даже если оно во всем со мной согласно! – радостно воскликнул тот и стал открывать замок.

– Да и общество на тебя не прочь, – возразил Тимон, поглядывая на заплеванную соседской ребятней Пищину дверь.

– Тогда мне вдвойне на них плевать!

– Не советую, парень, – вступил в разговор Дин, – их больше, утонешь!

– Ну вы меня еще поучите, – отмахнулся Пицца и наконец-то открыл дверь, – я же профи в таких делах, а что касается игры с пресловутым обществом в «кто кого переплюнет», то сражаться буду до последней капли влаги в организме!

Они ввалились в прихожую. Тимон, запнувшись о порог, кубарем вкатился первым. С хохотом он принялся расшнуровывать свои сапоги, напевая какую-то идиотскую песенку. Через мгновение уже все, пыхтя и отдуваясь, занялись этим непростым делом.

– А что это ты, Тимоша, под дверью спал? – спросил Пицца у Тимона, прервав его немудреную песнь, – проблемы, что ли, какие-нибудь?

– Да, есть немного, – ответил тот. – Я опять из дома ушел, предки достали – фашист, фашист. И так и сяк им хоть что-нибудь объяснить пытался, бесполезно! Орут только и ничего не понимают. Да и не надо им ничего понимать... Я собрался и вышел, а они и не заметили, до сих пор, наверное, там скандалят.

– Стереотипы хреновы! – выругался Пицца. – Еще лет

двадцать никто ничего не поймет!

– Да не расстраивайтесь вы, прорвемся, – сказал Дин, стараясь поддержать друзей, – пошли они все, давайте выпьем лучше!

Вышло как-то грустно.

– А есть что? – удивился Тимон, не замечая горечи в словах друга.

Пицца же криво ухмыльнулся, взглянул на Дина и иронично добавил:

– Вот за что я тебя люблю, парень, так за то, что ты всегда знаешь, что и когда говорить!

Дину на секунду показалось, что тот прочитал его мрачные мысли о том, что никуда они на самом деле не прорываются и выпить нужно просто от того, что все достало, обдумал это и рассудил, что сказанное им было все-таки лучше, чем оставшееся на душе «жизнь – дерьмо!»

Молчание прервал Тимон, незамеченным залезший в Пиццын рюкзак и с воплями «вот это да!» и «ни фиги себе!», начавший доставать оттуда алкогольную продукцию.

Через две минуты они уже стояли на пороге Пицциной гостиной, если ее можно было так назвать. Эта была комната, весь пол которой был застелен матрасами, заменявшими кровати. «Практично и удобно», – говорил Пицца, и действительно, порой в ней запросто умещались двадцать человек. Самым удобным местом здесь было кресло-качалка, стоящее в противоположном, от двери, углу. Именно это

и привело в оцепенение Пиццу и Тимона, которые замерли на пороге. Их замешательство было недолгим. Они переглянулись и вдруг с руганью ринулись к креслу, отталкивая друг друга локтями. Пицца добежал первым, плюхнувшись в него, он выставил вперед руки. Тимон, бежавший следом, прыгнул, надеясь опередить друга, и с размаху налетел на Пиццу. Раздался жалобный скрип кресла, Тимон, сделав сальто, полетел дальше, пока путь ему не преградила стена; успешно в нее врезавшись, он с хохотом сполз на матрасы. Пицца, схватившись за живот, смеялся до слез.

– Вот ведь, чертовы придурки...

«Ну вот настроение боевое поднялось», – подумал Дин, подходя к друзьям и садясь на прямо пол.

– Уже на частную собственность посягают!!! – хохотал Пицца, открывая портвейн. – Что за люди?..

Отсмеявшись, Тимон пошел за кружками, а Дин подумал: хорошо, что все так получилось, что сегодня у них есть деньги и крыша над головой. Он вспомнил слова песни «Наутилуса»: «Я буду жить еще один день и будет еще одна пьяная ночь...». Вернулся Тимоша, они разлили портвейн в кружки, у Пиццы в руках появилась гитара.

Так незаметно и пролетел вечер. Напиток горячей рекой тек по венам, они до хрипоты орали любимые песни.

– А правильно ли мы живем? – вдруг спросил Тимон.

– Не знаю... – с трудом ответил Дин, – но мне нравится...

Язык заплетался, но ему уже было все равно.

– Я просто... не хочу... чтобы это кончалось. Я...

Он забыл, что хотел сказать, все мысли перепутались, Дин замолчал.

– А я как-то нашел смысл жизни, напился и забыл, – обрадовался Пицца новой теме разговора, – а что, Тимоша, это тебя взволновало?

Тимон выпил, прикурил сигарету и устался на Пиццу.

– Вот ты умный вроде, но поражаться я тебе не перестаю. Тебе все по барабану! И неужели ты никогда об этом не задумывался? Мы же бесцельно живем!

– Во-первых, много думать вредно, – важно сказал Пицца, погладив ирокез, помолчал и добавил: – С ума можно сойти. Во-вторых, ты что, хочешь поставить перед собой какие-то призрачные цели, вроде дома, семьи, работы, выдуманные для тебя человечеством?

– Нет... Не знаю... Это же лучше, чем ничего.

– Ну почему же? Да тебе скажут, что ты слабак, лентяй, живешь только для себя потому, что у тебя нет этих выдуманных ценностей. А пусть тогда они сами попробуют от них отказаться. Отказаться от цели. Тогда все, край! Они и дня не проживут! Так же и с самоубийством. Все кричат: «суицид выход для слабых!», но не у каждого найдутся силы это сделать! Понял теперь? Орать всегда проще.

– Идиоты! Ведь тогда мы живем не бесцельно! – восторженно воскликнул Дин, все это время он обдумывал слова Пиццы, и вдруг понял, как все просто. – Цель нашей жизни и есть ее бесцель-

ность! И если мы слабаки, то, в слабости нашей, мы сильнее их силы! Цель отрицать саму цель! Так же как традиции и моральные устои. Не обращать внимания на ненужные преграды и стремиться к чистоте собственной души, а не вкладывать души кирпичами в пирамиду безумного общества. Не приносить себя в жертву тем, кому на тебя чихать! Въехали, в чем дело? Смысл нашей жизни – это протест против их смысла, – Дин отхлебнул из кружки. – Пусть лучше жизнь моя будет бесцельной, чем я приму их муравьиные ценности! Одинаковые и пустые, как они сами...

– Пьяный бред! Тимон внимательно посмотрел на него, покачал головой – и вдруг рухнул навзничь, тут же захрапел.

Дин и Пицца переглянулись.

– Хороший пример, – рассмеялся Пицца, – у Тимошки биологические часы с точностью до секунды работают! Он вырубился, значит, и нам пора. А завтра я вас в одно место свожу, клевое.

– Что есть, то есть. Не отберете! – согласился с ним Дин.

И действительно, он вдруг почувствовал, что смертельно устал, лег на бок и закрыл глаза. Уже сквозь сон он услышал Пиццино бормотание:

– Разумничались тут, у вас и выбора-то нет. Какая цель, если будущего нету? «No future!», «NO FUTURE!!!»

Глава 2

*«Они говорят, им нельзя рисковать,
Потому что у них есть дом,
в доме горит свет,
И я не знаю точно, кто из нас прав.
Меня ждет на улице дождь,
их ждет дома обед...»*

В. Цой

Ветер пронизывал насквозь, застегнутые наглухо, тяжелые косухи ничуть его не смущали. Несмотря на воскресное утро и собачью погоду, на улицах было довольно оживленно. Старушки спешили на рынки за картошкой и огурцами, кто-то возвращался с ночной смены или просто гулял. В общем, люди, стремясь успеть сделать все свои дела в этот единственный свободный день, с озабоченным видом растекались по городу. Вся эта картина напомнила друзьям их вчерашний разговор.

Добро пожаловать в муравейник, про себя ухмыльнулся Дин, а вслух сказал:

– Хотел бы я тоже так куда-нибудь спешить. Интересно, что для этого надо сделать?

– Родиться человеком, – мрачно пошутил вышагивающий впереди Пицца. Тимон только шмыгнул носом.

Вчера Пицца как-то умудрился поставить будильник, но сам от его дребезжания не проснулся. Зато встал Тимоша, видимо, утолить жажду; еще находясь в состоянии сна, ничего не разбирая на своем пути, он отправился на кухню, долго там гремел, копошился, чем и разбудил Дина.

Разыскав пару сигарет, поставив чайник, они уселись на подоконник, заменяющий одновременно и стулья, и стол.

– Жрать, блин, охота... – протянул Дин.

– Да уж, – согласился с ним Тимон, но даже не пошевелился.

Холодильника у Пиццы не было, в связи с этим он покупал только не портящиеся продукты. Они валялись здесь же, в углу. Это была куча всякого рода макарон, круп и специй, но это одновременно было и жилище удравшего из клетки хомяка по имени Сталин. Кто-то подарил его Пицце, вроде бы на день рожденья, а во время гулянки этот монстр удрал, забился в кучу провизии – и мало того что грыз продукты, так еще и нещадно кусал всех, кто на них посягал. Именно из-за Сталина лезть в продуктовый угол было опасно.

– Может, палкой попробуем там покопаться?

– Этот дьявольский зверь меня доконает, – разозлился Дин, – такой маленький, а такой жадный, можно подумать,

он один все это съест! Пойдем лучше Пиццу будить, только он с ним может сладить.

Разбудить Пиццу оказалось тоже непросто, он брыкался, ворчал, придумывал различные причины, чтобы не просыпаться. Наконец встав, он протопал, шатаясь, на кухню, запустил руку в гору еды и стал там ковыряться, бросая злобные взгляды в сторону друзей.

Тимон озабочено посмотрел на Дина.

– Как ты думаешь, почему тварь его не трогает? Может, сдохла?

– Если сдохла, то только от обжорства, а это вряд ли, диктаторы от обжорства не умирают. Видимо, логика у Сталина все-таки присутствует.

– Видимо, да.

Пицца тем временем выудил из кучи жратвы пакетик с печеньем, понюхал и кинул на подоконник.

– Немного засохли, но к употреблению вполне пригодны. Жрите, черти, а я посплю пойду еще.

– Чего?! Посплю?! А кто это нас в клевое место обещал сводить? – возмутился Дин. – Скажешь, не ты?

– Да к тому же вдруг хозяин продуктовой кучи решит расквитаться с нами за похищенное у него печенье, – поддержал друга Тимон.

– Так что когда помрешь, выписься!

Пицца с ненавистью посмотрел на них.

– Садисты, – простонал он, закуривая, – кстати, чего-то я

не припоминаю, чтобы я вас куда-то хотел вести.

– Напился, не помнит не хрена, – обратился Дин к Тимо-
ну.

– А мы ему ща по кумполу двинем, живо все вспомнит!

– Ладно, ладно, – занервничал Пицца, – знаю я одно ме-
стечко, про него, наверное, и говорил.

Вдруг в куче что-то зашевелилось, и на ее поверхность
выбрался Сталин. Пицца протянул зверьку кусочек печенья.
Сталин пошевелил усами, глянул на Пиццу и, взяв кусок
с руки, начал старательно, вдумчиво грызть.

Дин и Тимон переглянулись.

– Смотри-ка, – развеселился Дин, – ничто человеческое
диктаторам не чуждо!

– Мда... – согласился с ним Тимон.

Теперь они топали по улице, к хваленому Пиццыному ме-
сту, ежась и подрагивая на холодном ветру. Хуже всего при-
ходилось Тимону. В своем тоненьком бомбере бедняга со-
всем замерз, но виду не подавал и не жаловался. Впереди ша-
гал Пицца, напивая Цоевского «Бездельника» и совершен-
но не обращая внимания на останавливавшихся перед ним
людей, изумленных его высоким красным ирокезом. Лишь
две пожилые тетки, расхохотавшись ему в лицо, стали сове-
товать, что пора Пицце в цирк идти работать.

– А вам к черту пора пора пойти давно! Заждались вас там уже! – огрызнулся тот, шаркнув гриндерсом по асфальту. Тетки отскочили в сторону обозвав его грубияном. Пицца, резко развернулся к ним лицом, от чего его подкованные сапоги вновь царапнули по асфальту, сделал дикий реверанс и, не дожидаясь реакции, зашагал дальше. Дин и Тимон, хоча, пошли следом.

– Смотрите, смотрите, – вдруг закричал Тимон, – вон там, на лавочке!

– Свинья!!! – разом заорали все.

Свинья поднял голову.

– Вот так встреча! Здорово, перец! – Они наперебой стали жать ему руку. – Все валяешься?!

– Здорово, чуваки! Я это... Вчера фэст был, ну я там с металлерами заквасил... Не помню, короче, ни хрена. А вы тут какими судьбами?

– Это ты у Пиццы спроси, он нас ведет, – ответил Дин.

Свинья посмотрел на Пиццу.

– Да мы так, в ДК идем, – пожал тот плечами.

– А-а-а... А зачем?

– Дело есть.

– А-а-а... А я, смотрите, какую себе футболку раздобыл, – Свинья расстегнул косуху, – мэйденовскую!

На нем действительно была надета новенькая футболка Iron Maiden.

– Мне девчонка одна подарила, с себя сняла! Поганенько

ухмыльнулся он. Клево, да?

– А я косуху купил, вот! – Пицца встал в эффектную позу.

– Так это ты, Пицца, – усмехнулся Свинья, – а я-то думал, это Бэтмэн!

Все довольно заржали.

– Ну вот, – вздохнул Пицца, – опять вы за свое.

Дин хлопнул друга по плечу.

– Ладно, забей. Ты с нами? – спросил он, обращаясь уже к Свинье.

– У вас выпить нету? А то башка трещит, – поинтересовался тот. – Да и замерз, заболеть могу.

– На месте выпьем, – ответил Пицца.

– О-о-о... с вами, конечно, дайте сигарету.

Дин дал ему сигарету и прикурить, закурил сам. Дым и холодный воздух наполнили легкие.

– Долбаная зима еще не наступила, а уже меня убивает! – пробормотал он, поеживаясь.

– Зима, зима... – протянул отрешенно Тимон. – Чего говоришь?

– Зима, говорю, скоро! Что делать будем, непонятно...

– Придет зима, тогда и пойдем! А сейчас меня больше волнует, как на сейшн этот пройти! Денег, блин, нету... до зарплаты далеко! Ума просто не приложу!

Сейшн действительно приближался – и ни денег на билет, ни каких-либо соображений, как всегда, ни у кого не было. А концерт был стоящий, хорошие группы, неплохой звук, в,

общем, сходить хотелось, и хотелось сильно.

– Ботинки еще купил – в долги влез! – продолжал бурчать Тимон. — Может, на работе займу до зарплаты...

– А может, поиграем?... – Оба глянули в темный проем перехода. – Как ты думаешь?

– Погода нелетная, пальцы замерзнут, хотя попробовать можно...

Свин и Пицца уже стояли у входа в переход, мечтательно разглядывая афишу предстоящего сейшна.

– А может, поиграем? – протянул Пицца подходящим друзьям. – Сказал что-то не так? – добавил он, заметив их улыбки.

Они прошли через тоннель и оказались перед зданием ДК.

– Через забор! – скомандовал Пицца.

– Пицц, у твоей матери какая девичья фамилия была? – поинтересовался повеселевший за спиной у Пиццы Свинья.

– А че?

– Случайно не Сусанина?

– Нет, – мрачно пробормотал тот. – Вперед!

Свинья, сообразив, что сказал что-то не то, виновато пожав плечами, полез за ним следом. И тут же чуть было не свалился Тимону на голову.

– Аккуратно, свиньи летать не умеют!

– Зато падают метко! – парировал Свинья.

Аня сильно опаздывала, автобус долго не приходил, да еще застрял по дороге в пробке, так что когда дверцы открылись, она почти бегом направилась к ДК.

«Ну вот, прошлое занятие пропустила, на это опоздала, – злилась на себя Аня, – не могла раньше выйти!»

Подбегая к крыльцу Дома культуры, она заметила, как четверо хохочущих парней карабкаются на забор, огораживающий двор здания. Аня замедлила шаг. Один из ребят, с какой-то немислимой прической, влез на самый верх ограды и картинно шлепнулся оттуда в кучу листьев с другой стороны, чем вызвал новый взрыв хохота у своих товарищей. Остальные, шутя, последовали его примеру. Аня улыбнулась. Парень, влезавший на забор последним, внезапно оглянулся, и их глаза встретились. Аня смутилась и отвела взгляд, ей стало неловко за свою улыбку: он, конечно, заметил, что она наблюдала за ними. Или... она снова взглянула на него, ну да, он еще продолжал смотреть, какой странный взгляд, он улыбнулся ей, бледное лицо, длинные темные волосы, от взгляда улыбка казалась горькой...

Его окликнули, Аня резко развернулась, подошла к двери и дернула ручку. На пороге она невольно обернулась еще раз, он уже спрыгнул и шагал в глубь сада. К их окнам...

Дин спустился с забора, в глубине сада Пицца отчаянно махал руками, подзывая остальных. Он стоял у торчащих из земли труб теплотрассы. Трубы выходили из-под земли во дворе сада где-то на метр и заворачивали за угол здания, огибая его. Покрытые жестью, широкие, они могли служить отличным сидением, тем более в такую погоду их теплота имела немаловажное значение.

Дин огляделся, прелесть «клевого места» была очевидна. Сад с одной стороны загораживала стена ДК, с двух других сторон – стена соседнего здания и какие-то гаражи. Место было тихое и спокойное, ветра здесь почти не было, деревья, хотя и облетели, но были довольно густы, надежно скрывая от посторонних глаз.

Пицца взгромоздился на трубы, Свинья и Тимон застыли рядом. Прямо напротив них находились большие, выходящие в сад окна. В них-то и тарачились все трое.

Дин поспешил к ним; подходя, он взглянул в одно из окон. В окне виднелся средних размеров зал, с паркетным полом и большими зеркалами. По-видимому, класс танцев. Там шел урок.

Стоящий рядом Свинья сглотнул, не глядя, передал Дину бутылку портвейна.

Все молчали, зал отсюда отлично просматривался, было видно все, что в нем происходит. У противоположной стены преподавательница средних лет, улыбаясь, объясняла что-то ученицам, собравшимся в кружок возле нее. Кое-кто из де-

вочек их уже заметил и, хихикая, поглядывал в окно.

Свинья зашевелился, медленно повернул голову и взглянул на Дина, потом поднял ладонь на уровень глаз и некоторое время разглядывал ее. Заклепанная кожаная перчатка с обрезанными пальцами, на самих пальцах краска и ржавчина от забора, грязь под ногтями. Он перевел взгляд на окно, потер руку о штаны и потянулся за портвейном.

– Неловко? – Дин отхлебнул еще раз и отдал бутылку.

Свинья утвердительно кивнул и сделал пару больших глотков.

– Как ты думаешь, они настоящие?

Вопрос был вполне серьезен. Сегодня ночью Свинья спал на лавочке, и это для всех было обычным делом. Тимон и Пицца постоянно горбатились на каких-то второсортных работах за мизерную зарплату, чтобы хоть как-то сводить концы с концами. Каждый привык рвать глотку в сырых переходах. Каждому приходилось очищать лицо и одежду от засыхающей крови. Каждый помнил, как корчился от боли на полу, на асфальте, на земле от ударов каких-нибудь ублюдков, многие – от передозировки или же от отравления дешевым алкоголем. Все это было нормой, каждый сталкивался с этим каждый день. Каждый знал, что такое боль, каждый знал, что такое смерть – и до этого момента каждый думал, что знает, что такое жизнь. Но там, за стеклом, жизнь была другая. Нет, конечно, они прекрасно знали, что где-то есть и такая, знали, что бывает и хуже, но как-то никто

не обращал на это особого внимания. Может, это их просто не касалось или же за бесконечными рядами людей, у которых «на рубль больше», этого просто не было видно.

Однако сейчас разница была очевидна, все вдруг остро почувствовали это, даже Пицца, который, по-видимому, околачивался здесь в прошлое воскресенье, и руководствуясь своей природной наглостью, притащил их просто поглазеть на симпатичных девчонок. Там, за стеклом, были юные беззаботные лица, тепло и радость. Дин внезапно поежился, почему-то вспомнилось детство и... воздушные шарик! Он попытался вспомнить, как он держал их в ладошках. Руки невольно сжались в карманах, пытаясь поймать это воспоминание, показалось, что пальцы вот-вот скрипнут по тонкой резине. Он вздрогнул, тряхнул головой: какие, к черту, шарик!

В этот момент в класс вбежала еще одна девочка. Стройная, с высоко поднятой головой, золотистые, вьющиеся волосы, это ее он видел у входа в ДК. Она направилась к учительнице, та улыбнулась ей, они недолго о чем-то разговаривали, затем она подошла к зеркалу и стала собирать волосы в хвост. Вдруг она резко обернулась, отчего ее волосы снова рассыпались по плечам, взгляд ясных голубых глаз скользнул по лицу Дина. Он тут же уставился в землю.

– Не уверен, – пробормотал он и протянул Свинье сигарету.

Тот закурил и понимающе кивнул.

Разминка началась. Стоя лицом к зеркалу, Аня в нем могла легко рассмотреть сидящих во дворе ребят. Они изредка, не глядя друга на друга, переговаривались, но все больше молчали, передавая из рук в руки какую-то бутылку. Иногда кто-нибудь копался в карманах, доставал сигарету, медленно курил. Они не были похожи на знакомых Ане мальчиков, ни на одноклассников, ни на ребят со двора, хотя были с ними примерно одного возраста. Дело было даже не в их странном виде, не в прическах, не в их одежде. Скорее, что-то чужое, непонятное было в них самих. Что-то холодное, что-то, отчего они вдруг показались ей какой-то неотъемлемой частью этой осени. Это и отталкивало, и привлекало ее. Аня вглядывалась в лица, обычные мальчишеские лица, ничего особенного, задумчивые, слегка забавные от появляющейся в них иногда мечтательности. Но было в них и что-то другое, как будто какая-то тень лежала на этих лицах, закрывая их, искажая улыбки, оставляя только глаза. И глаза эти были полны чего-то, что никогда не попадалось ей в глазах окружавших ее людей.

Первым ушел Свинья, сославшись на то, что, мол, есть ему хочется невероятно, а купленный, вместе с портвейном, батон несколько его не спас.

Осенняя ночь опустилась, как всегда, незаметно. Занятия в студии уже закончились, окна погасли, и в саду стало со-

всем темно. Говорить не хотелось, все молча допивали оставшееся в бутылках.

– Пицца, я к тебе сегодня. Можно? – нарушил тишину Тимон.

В темноте Пицца согласно кивнул.

– А ты? – спросил он у Дина.

– Не, я домой, пожалуй. На работу надо завтра заехать, уволить-то меня уволили, а вот зарплату еще не всю отдали, денег в кассе не было.

– Понятно... – протянул Тимон, вставая, – ну че, двинем тогда?

Все поднялись и направились к забору.

– А ты как это место нашел? – поинтересовался Дин, когда они уже подходили к остановке.

– Мы в прошлое воскресенье здесь со Студентом лазили, пытались ходы халаявные на концерт найти, – Пицца остановился и прикурил. – Ходов нет, только вот... сами видели.

– И Студент, значит, собирается... пройти бы всем...

– А я в детстве в художественной школе учился, – вдруг, непонятно зачем, сказал Тимон.

Дин и Пицца неуверенно переглянулись. Не получалось представить его сидящим за каким-нибудь натюрмортом.

– Чего? – разом спросили оба, но Тимон уже замолчал, сделав вид, что не расслышал.

Ехать отсюда им было в одну сторону. Забираясь в автобус, Пицца при входе показал проездной билет и незаметно

сунул его Дину. Проездной был один, обычный школьный проездной, которые по тридцатке продавались на всех остановках, и во многих местах их можно было купить безо всяких проблем, типа справок с места учебы, а поскольку документов не требовалось, наивные старушки частенько выводили в графе имя, скажем, Егор Летов или Костя Кинчев. Муниципальный транспорт был набит звездами. Когда проездные кончались, а на новые денег не было, исправлялись даты, нанесенные на бумажку ручкой, и тут уж кто во что горазд! Исправляли просто поверху, стирали надпись ластиком и писали заново, карябали бритвочкой, кто-то вообще изобретал какие-то чудо-растворы, утверждая, что чернила они стирают, но бумагу не портят! Пицца полгода так и проездил, пока проездной до дырки не протер.

Дин сунул заветный листочек Тимону, в этот раз проездной вообще был один на всех, но тот замешкался, и толстая, закутанная в шарф тетка-кондуктор заподозрила неладное.

– А теперь вместе покажите! – устало сказала она.

Пицца стал копаться в карманах, отчаянно делая вид, что проездной у него есть и он, как добросовестный молодой человек, сейчас его предъявит, Дин тоже потянулся к карману в надежде, что тетка все же отстанет, один Тимон решительно ткнул бумажку ей под нос.

– Один билет на всех, да и тот не ваш! – Друзья переглянулись – Яна Дягилева! – прочитала вслух кондукторша. Тимон недобро глянул на Пиццу.

– Девчонка знакомая дала, – пожал тот плечами.

– Ладно, садитесь, – проворчала тетка, – контроля уже не будет, поздно уже.

Мимо проносились замершие улицы, витрины, редкие прохожие.

Дин поднялся.

– Ты завтра не пропадай, – Пицца протянул ему руку, – вечером словимся!

– Я вас найду, – он поднял воротник, – бывай, Тимон, не грузись, родина тебя не забудет.

Загрустивший Тимон салютанул ему в ответ.

Замершие улицы, витрины, редкие прохожие. У соседнего киоска стояла стайка подвыпивших гопников. Дин напрягся.

– Эй, нифер!

Он уставился в землю, не реагируя на оклик, прошел мимо.

– Иди сюда, сука!

Дин стиснул зубы: сколько их, пятеро? Бежать бесполезно, драться, впрочем, тоже, он продолжал идти, спина заныла от напряжения, если догонят, ударят ногой, с разбегу – на ногах не устоять. А если ножом... Он до боли сжал кулаки, почему не бегут, почему не бегут, почему не бегут!!! Грохнуло за спиной, что-то ударило в тротуар рядом с его ногой, шипя, выбило искры... Он застыл на месте, пот ручьем тек по спине, тек со лба, попадал в глаза. Сзади раздался хохот и улюлюканье. Ноги будто вросли в асфальт. Дин сделал шаг,

второй, ноги не слушались, ноги были свинцовые. Он шел, впереди был угол его дома...

– Еще раз попадешься, козел, убью! – крикнул кто-то за спиной хриплым голосом.

Дин свернул за угол, ввалился в подъезд, с трудом поднялся и открыл дверь. Сполз на пол и долго сидел, закрыв глаза. Голова была пустая, никаких мыслей. Наконец взял себя в руки, прошел в комнату.

Мать что-то штопала, сидя в углу.

– Ты почему не в постели?! – Он взял ее руку. – Тебе надо отдыхать!

Рука была горячая...

Ничего, скоро лягу, сынок, ты странный какой-то, случилось чего?

Нет, мама, давай сюда, – он забрал у нее иголку и... это оказалась его футболка. – Я же говорил, их не зашивать, так даже лучше. Ложись скорее, отдыхай!

Мне отцу рубашку погладить надо, ему на работу устраиваться завтра... И сразу лягу тогда.

Ага! Устроился! Дегустатором паленой водки! Ложись, не спорь, я сам поглажу.

Он вышел в другую комнату, устало опустился в кресло, закрыл глаза.

Лето тогда было жарким, они всей компанией сплавились на плотках вниз по течению. Купались, рыбачили, загораля, пили вино, пели. Трое суток на плотках! Звездное небо – ночью, днем – солнце. Плоты строили из автомобильных камер и досок, по краям камеры сверху – доски. Получалась большая платформа, на которой запросто умещалось десять человек с палатками. Костры на плотках отбрасывали блики на прибрежные скалы; напившись, все до хрипоты орали «Музыку волн, музыку ветра». Пицца тогда полез на скалу, сорвался и распорол ногу, а Тимон все намеревался ее зашить. Пицце эта идея не нравилась, и он бегал от Тимона по всему пляжу, страшно хромя. Купались исключительно гольшом. Заметив в кустах парочку влюбленных стали орать «Че вы бедные? Квартиру снимите!» Орала, впрочем, беззлобно, дурачились. И влюбленные улыбались им в ответ и махали руками.

А потом пошел снег и касухи задеревенев скрипели на морозе. Потом была холодная зима, очень холодная зима, из горячих точек возвращались трупы тех, кто не смог поехать с ними тем жарким летом.

Дин открыл глаза, в дверь настойчиво звонили. Очну-

шись,

он мельком глянул на ползущую к двум стрелку часов.

Ожидать в это

время можно было либо в доску пьяного папашу, либо опять где-то шляющуюся сестру, ни того, ни другую видеть не хотелось.

«Почему бы просто не оставить нас в покое!» – подумал он, вновь закрывая глаза.

Мать приподнялась на кровати.

– Открой, – сказала она тихо. – Катя, наверное, с дня рождения вернулась. У одноклассницы ее сегодня... – Тут мать, закашлявшись, замолчала.

– Ты ей денег дала? – спросил Дин растерянно, – я же говорил, не давать, если надо, у меня возьмет!

Дала, день рожденья ведь...

Тут мать прервал вновь заверещающий звонок.

Выругавшись сквозь зубы, Дин пошел открывать.

Это была сестра.

– Что ты трезвонишь, мать спит, – раздраженно сказал он. Сестра молча смотрела на него мутными глазами, держась обеими руками за косяк двери.

– Ты пьяная, что ли? Сюда смотри! – в бешенстве Дин вволок ее в квартиру, – ты что делаешь, дура! – прижав сестру к стене, зашипел он, – тебе сколько, блядь, лет, а?!

– Пусти, урод! – взвизгнула та, вырываясь

– Заткнись! Ты в школе была, в школе была, я тебя спра-

шиваю?!

– Не твое дело, руки убери!! – заверещала она истерично.

Заткнись!! — зарычал Дин, швырнув сестру в угол, – мать отдыхает! Ты о ней вообще думала, мразь?! Ей бати, что ли, мало?! Ты еще! На ее деньги нажралась?! Че ты молчишь?! На ее?! Ты, блядь, не понимаешь, что мать болеет, деньги нужны!!!

Разговоры были излишни. Дин и сам понимал, что до сестры сейчас ничего не доходит, хотелось кулаком вколлотить хоть какие-то мысли в эту безмозглую голову! Сдержавшись, Дин подошел к сестре, взял ее за шиворот и, не обращая внимания на ее крики, потащил в ванную. Мысли путались. Закрыв дверь ванной, он включил воду, не слушая воплей сестры и ее ругани, сунул ее головой под ледяную струю, бившую из крана. Случайно взглянув в зеркало, он увидел свое уставшее, осунувшееся лицо, мельком подумал: «Выспаться бы, да не дадут!» – и посмотрел на сестру

– Хватит с тебя. – Выключив воду, Дин отпустил ее. Та, соскользнув на пол ванной, отползла, с ненавистью глядя в лицо брата, тушь под глазами у нее потекла, мокрые волосы прилипли к шее.

– Еще раз попробуешь у матери денег на пьянку взять, будет хуже, обещаю!

– А че ты мне сделаешь, – вдруг проговорила она, злобно хихикнув. – Тебе уже край, понял? Урод волосатый! Я пацанам во дворе скажу, они тебя подстерегут, суку! Ты же лох!

Пидор, все вы пидоры волосатые, вас всех убивать надо!..

Не дослушав, Дин вышел из ванной, пройдя в комнату матери, сел у ее кровати.

– Что вы все у меня ругаетесь, чего опять не поделили?

– Ничего страшного, мама, все хорошо будет, обязательно...но...

– Совсем взрослый ты у меня стал! – Мать потрепала его по голове.

Вдруг поддавшись какой-то отчаянной нежности, он взял ее ладонь в обе руки, крепко сжал, прильнул к ней губами. Глаза нестерпимо заболели, моргнув, Дин почувствовал, что они сделались влажными и наполняются слезами. «Хорошо, темно, хорошо не видит!» – мелькнуло в голове.

Неясный враг прятался в темноте этой комнаты: болезнь, о которой он не знал ничего, но которая постепенно пыталась отнимать его близких! Сначала Пицца, теперь мать! Это был враг, но он не видел его, не мог схватить, броситься на него, грызть зубами. Это темное, непонятное! Но он чувствовал ЭТО всем своим телом, как ЭТО ЧТО-ТО ворочается в темноте, наполняя дом сдавленными хрипами по ночам, хрипами в груди той, что дала ему жизнь! Той, что изо дня в день жила ради него, не жалея себя, сражалась со всем миром! Нет! Он не может осознать, что ей не помочь! Он просто не верит, не знает, не хочет знать!

Дина передернуло. Он вспомнил, как в первый раз защищал мать от пьяного папаши, как выскочил вперед, сжи-

мая кулачки, не помня, как оказался между ними... плакал от страха перед взбешенным отцом, но стоял, не подпуская его к матери.

Дин оскалился, силясь сдержать слезы, уткнулся в рукав. Ему казалось, что весь дом пропитался болью, что это сами стены стонут по ночам! Дом ненавистный, изъеденный грязью, сыростью и безразличием. Хотелось вскочить, драться с ним, ведь это он, дом, виноват в такой его жизни, это он, с его грязными подъездами, с выбитыми стеклами, сделал мать такой, сделал отца и сестру такими!

Он вспомнил, что чуть ли не с детства ему приходилось чинить крошащуюся в пыль мебель, оторванные дверные ручки, вывороченные дверные петли, вспомнил, как уже в исступлении обратно вколачивал молотком с корнем вырванные шурупы. Как не раз пытался выковырять из-под ванны гниющие тряпки вперемешку со ржавыми гвоздями, но после того, как эти тряпки каким-то непостижимым образом появлялись вновь, да еще и стали расползаться по дому, слеживаясь в углах и покрываясь паутиной, у него просто опустились руки. Он стал появляться здесь все реже и реже, в конце концов приходя только к матери, периодически предпочитая ночь на улице семейному очагу.

Дин поежился, украдкой взглянул на мать, та лежала с открытыми глазами, о чем-то задумавшись. Он вгляделся в ее лицо, не думает ли она о том же, о чем и он несколько минут назад. Нет, лицо матери было спокойно, он еще раз быстро

поцеловал ее руку и вышел, прикрыв за собой дверь.

Немного успокоившись, Дин спустился на лестничную площадку; встав к окну, закурил.

Сквозь грязное стекло пробивался свет фонаря. Снова пошел дождь, разбиваясь о карниз, капли маленькими брызгами скатывались по пыльному стеклу. С другой стороны окна их маленькие тени спешили по подоконнику к ним навстречу, постепенно растворяясь в длинной тени рамы.

Дин заметил маленькую бабочку, не сумевшую вовремя выбраться из стеклянного плена. Она висела, слегка покачиваясь, на такой же безжизненной пыльной паутинке вместе с мелкими листочками, окурками и прочим мусором, несколько лет копившимся между рамами.

Дин вновь подумал о матери. Если бы он мог отдать все, что у него есть, чтобы помочь ей, он без сомнений бы это сделал. Да и что останется в его жизни, если в ней не станет ее.

Он взгляделся во тьму за окном. Если ее не станет, не станет и любви, чего-то последнего, что согревало его, и останется лишь эта ночь вперемешку с дождем, одиночеством и, как следствием, свободой. «К черту такую свободу!» – выругался он, вздрогнув от звука собственного голоса, эхом прокатившегося по подъезду. Дин всматривался в окна домов, освещенные ярким светом. Там, за ними, было тепло, люди на кухнях пили чай, ложились спать, там, за окнами, было простое человеческое счастье, и он не понимал, как можно

добровольно отказаться от такого сокровища! Волна злости подкатила к горлу. Он не знал, на что злиться. Дом показался вдруг давно затопленным сооружением на дне ночного водоема. И где-то вверху, над его головой проплывают рыбы, и выше расходятся круги от брошенного кем-то камня, а еще выше небо и теплые кухонные звезды лампочек в чьих-то теплых квартирах. А он здесь. И никто-никто не знает о нем. Он вынужден был научиться дышать черной водой, чтобы остаться живым, у него просто не было другого выхода!

– Я же уже просто гулять разучился! – процедил Дин сквозь зубы. И правда, он уже столько раз не имел возможности куда-либо пойти, часами околачиваясь в подъездах, когда не получалось уснуть от холода, что теперь ему осточертело бесцельно шляться по улицам, он уже не мог этого делать, слишком долго не имея альтернативы.

– Стоит ли того эта свобода? – вслух спросил он сам себя. – Неужели мы свободны лишь от собственного счастья, от близких, любящих людей! Ведь это, пожалуй, единственное, что еще держит нас на плаву! То, что еще может спасти, среди всей грязи этой жизни, арматура в цементе этого мира, которая еще не дает ему раскрошиться, как этот проклятый дом!

Едкий дым оборвал его мысли. Закашлявшись, он посмотрел на окурок, першило в горле. Задумавшись, Дин совсем забыл о нем, теперь же уголек, тлея, лежал на подоконнике, в руке остался только оплавленный фильтр. Взглянув

на мертвую бабочку, Дин выбросил фильтр в окно. Ударившись о карниз, тот вместе с каплями дождя исчез внизу.

Развернувшись, Дин прошлепал по лестнице в квартиру. Взяв телефонную трубку, набрал Пиццын номер. Сперва на том конце провода слышалось неясное бормотание, лишь через несколько минут раздалось более вразумительное «алло».

– Пицца? Алло? Пицца, от чего мы свободны?

– Чего? Дин, ты, что ли, че тебе не спится, дураку?

– От чего мы свободны, разве не от наших же семей?

– Жениться собрался? – сонно спросил Пицца, зевая. –

А деньги у тебя есть?

– Да я серьезно! – угрожающе зашипел в трубку Дин.

– И я серьезно! Свободны мы от общества! Устроит?

– Да общество-то счастливо, а мы нет! Почему бы и нам не стать им?

Послышалось шелканье зажигалки, потом характерное Пиццыно «твою мать!» Видимо, тот снова опалил себе ресницы.

– С чего ты взял, что они счастливы?! Им только сказали, что это так! Все их счастье – это ложь! Я понял, куда ты kloнишь, к семье, верно? Думаешь, я бы ее не хотел, я же совсем один, да и загнусь, по-видимому, скоро! Ты правильно говоришь, любовь, понимание, верность должны существовать, иначе ты просто на хуй никому не нужен, но ты не думай, что у них все это есть, их ценности давно заменили лю-

бовь на секс, счастье на размер члена, а личность на комплексы! Вот ты влюбишься, женишься на девушке соберешься, а у нее принято партнеров каждую неделю менять, и подруги ее так живут, потому что им по ящику это каждый день в голову вдалбливают! Блядью для нее модно быть, а женой и матерью – нет! Они, конечно, тоже не виноваты, всего лишь жертвы! Но кому надо было им мозги форматировать, я пока не знаю, хотя не факт, что им самим это не нравилось, жить ведь тогда становится проще, а думать меньше, в животных превращаемся, блин!

Пицца замолчал, было слышно, как он прикуривает еще одну сигарету.

– Что же делать?.. – Дин в нерешительности покосился на трубку.

– Да ни че не делать! Ты прав во всем! Любви хочешь – так и держись за нее, держаться в этом поганом мире человеку надо за что-то! Ты хоть за спасательный круг ухватился, а многие за дерьмо хватаются, оно тоже не тонет! Любовь есть еще, я верю, по крайней мере.

Попрощавшись с Пиццей, Дин медленно повесил трубку. Уже лежа в кровати, он еще долго прислушивался к шуму дождя, но в конце концов тяжело уснул густым, как кисель, сном.

Глава 3

«Вечность пахнет нефтью...»

Е. Летов

Они уже подходили к школе, Танька, перепрыгивая через лужи, без умолку рассказывала Ане о каком-то фильме. Без сомнений, фильм был отличным, с каким-то невероятно красивым мальчиком в главной роли.

– Ну как ты могла его пропустить! – сетовала Танька, – о чем ты вообще думала?!

По ее мнению, Ане было просто жизненно необходимо смотреть все молодежные и не очень комедии, триллеры и мелодрамы, в общем, все, где попадались мало-мальски симпатичные ребята.

Пропуская мимо ушей болтовню подруги, Аня перебирала билетки в кармане курточки. Скопилось их там прилично, но выбрасывать их ей почему-то не хотелось.

«Что со мной?»

– Что со мной?! – Аня вскинула голову, взглянула вдаль, сквозь здание школы.

«Почему он приснился мне?! Я же его только раз видела! Я и не помню толком... Только глаза... Что за бред?! Да какое он право имеет... Какое право ты имеешь мне снится?!»

Да еще так! Я не знаю тебя, я не хочу тебя знать! Почему ты мне снишься? Ты. Ты!..»

Проснувшись, Аня только и делала, что пыталась забыть этот сон, но, как ни странно, у нее ничего не выходило. Сон закатился куда-то глубже разума, забрался в эмоции, и проснулась она зареванной не только от страха, но и от какого-то непонятого чувства горечи и одиночества. В доме было темно и тихо, только дождь изредка постукивал по подоконнику, тикали настенные часы, да где-то далеко проносились машины. Глядя в темноту, Аня долго прислушивалась к этим отдаленным звукам, слезы медленно высыхали на горячих щеках. Пытаясь разобраться в своих чувствах, Аня, как кадры фильма, перебирала картины сна. Она вспомнила их единственную встречу у здания ДК. Вспомнила тот промозглый осенний день, ничем не отличающийся от предыдущих. Что почувствовала она тогда при встрече с ним, – ничего! Чем запомнился ей тот день, – ничем! Но только теперь, чтобы разобраться в себе, ей необходимо увидеть его, – и почему теперь «Он» звучит для нее совсем по-другому!

Подходя к дверям, она услышала окрик, растерянно повернулась на звук голоса и увидела Женьку, выходящего из-за угла здания.

– Энни! – Он улыбался и приветливо махал рукой.

– Как всегда, хорош, – прошептала рядом Танька, загадочно ухмыляясь.

Да, Женя действительно выглядел отлично, впрочем, как всегда. Одет с иголочки, веселый, красивый, с отличной спортивной фигурой, с неформальной серьгой, ровно поблескивающей в ровном, аккуратном ухе.

– Аня, можно тебя на два слова, – глядя ей в глаза, проговорил он. – Ты не поверишь, но я думал о тебе всю ночь!

Учтиво кашлянув, Танька дернула ручку двери и неохотно скрылась за ней, войдя внутрь.

– Ань, понимаешь... – Женя проводил Таньку победоносным взглядом – Ты мне давно очень нравишься, – он взял ее руку. – Ты очень красивая, умная... Такая, как мне нужна, понимаешь?

Вдруг ей стало невыносимо противно. Она уже не слушала, что он говорит. Глядя на него, разглядывая его отрешенным взглядом, она вдруг поняла, насколько он жалок и глуп! Бедняга, старающийся быть лучшим! Упорно следящий за модой, за своим телом, за молодежными движениями, за чем угодно, лишь бы не отстать, лишь бы быть в курсе! Искренне веря, что это подчеркнет его индивидуальность! Ей стали противны его самоуверенность, его лоск, его идеальность! И как только все на это клюют, думала Аня, разглядывая его. Она неохотно ругала себя за эти мысли, адресованные в общем-то невинному человеку, но лишь неохотно, а волна раздражения внутри нее поднималась все выше. Он

со своей этой серьгой, пьющий иногда немного пива, чтобы в известной доле походить на «плохого мальчика»... «ОН» – вдруг снова эхом отозвалось где-то внутри...

И где-то на половине его фразы Аня с яростью вырвала руку из его ладоней.

– Нет! – почти в истерике крикнула она, резко разворачиваясь.

Аня бросилась к двери, взбежала по лестнице, едва удерживая слезы, вошла в кабинет.

– Плохо!

Односложно и резко ответив на вопрос Таньки: «Как там дела?» – Аня протиснулась на свое место и закрыла лицо руками.

Ночь. Ревущая, беснующаяся ночь. Мокрый снег забивался им в волосы, таял на лицах, каплями стекал по щекам, мешаясь со слезами. Вокруг была бесконечная воющая бездна, ветер сбивал ее с ног. Снег, летящий из темноты, светился сам собой, изнутри. Целя в них, как пулеметы на странном расстреле со всех сторон, трассировал, жаля их разгоряченные плачем лица. Она старалась забраться под его тяжелую куртку, укрыться от ледяного ветра, а он обнимал ее за плечи, желая согреть ее своим теплом, ненавидя себя за то, что не может это сделать; прижимал ее к себе. Ища

защиту, Аня глубже зарылась под его куртку, она шептала: «Люблю» – и не было, не могло быть других слов! Мир во-круг крошился, разлетаясь на куски, на снежинки, под свирепым ветром. Был лишь он, и вся ее нежность тянулась лишь к нему, неуверенная, хрупкая, но сильная, тысячи лет тяну-лась лишь к нему! Он смотрел поверх ее головы, все знаю-щий, ко всему готовый, а она просто верила ему, прижима-ясь к своему Любимому...

– Любимому?! -Танька стояла над ней, тормоша ее за ру-кав. – Ты вообще на концерт завтра идешь? Анна, очнись, завтра у нас в ДК, я же говорила!

– Иду, – устало сказала Аня, лишь бы отделаться от на-зойливой подруги.

Выходя, она взглянула на кучку людей, столпившихся во-круг нового Женькиного телефона. Женька держал телефон в руке; видно было, что ему доставляет удовольствие похва-статься им.

– Иду! – сказала она уже самой себе

Топчась на остановке в ожидании Пиццы, Дин ковырял ботинком подмерзшую утром грязь. Надев сегодня каму-

фляжные штаны, он рассчитывал не слишком увазюкаться на сейшне. Обычные бесхитростные армейские штаны отлично подходили для этих целей. Плотные, благодаря своей окраске прекрасно скрывающие кровь и грязь, они удобно затягивались на щиколотках, не топорщась из-под хакингов.

Глянув исподлобья на другую сторону улицы, Дин наконец увидел спешащего к нему Пиццу. По-видимому, Пиццу посетила та же идея, он шагал навстречу в таких же штанах, как всегда, правда, на размер больше.

– Здорово! – протянул руку Дин подходившему товарищу.

– По-зимнему! – оставив руки в карманах, кинул Пицца и тут же зарядил тяжелым ботинком ему по колену.

– Идиот!! – взвыл Дин, скача на одной ноге, – при чем здесь коленка! При чем здесь зима! Скотина! – Он попытался достать ногой весельчака, но Пицца легко увернулся.

– Навыки теряешь, да и вообще, я же пошутил!

– Кажется, Тимоша про твои шуточки говорил что-то!

– Автобус! – весело гаркнул Пицца, не замечая мрачного взгляда друга, – хватит тут прыгать, поехали давай!

Забравшись в автобус, Пицца спросил, плюхнувшись рядом:

– А че ты ко мне с вопросами этими по телефону приставал, беспокоит что-то?

Говорил он весело, но в голосе чувствовалась какая-то обеспокоенность, что ли, Дин и не сообразил.

– Ну так, – решив умолчать об истории с гопниками

(как бы друзья не наделали лишнего), уклончиво пробубнил Дин. – Просто подумал, что как-то гадко все. Одиноко! Вот мы живем, живем, работаем, учимся, на гитарах там играем, ждем чего-то, все время ждем, а этого нет! И я не знаю, чего именно! Понимаешь? Слишком мы обособленные стали, никто нам не нужен...

– Все так живут, собаку заведи, если одиноко, знаю, неудачно пошутил.

– Не, а ты все же подумай! Мы вот стремимся отличаться ото всех, лезем куда то. А может, и не следует? Ведь по большому счету у нас ничего хорошего и нет. Вот помнишь тех девчонок с танцев...

– Да уж, таких девчонок у нас никогда не будет, – Пицца нахмурился, – если они через какое-то время не сопьются на фиг и нужны никому не будут. Хотя в таком случае получается, что они станут тогда не «теми», а «этими», и разницы, в общем, никакой. Так что все равно мы с тобой в пролете! – Он миролюбиво похлопал Дина по плечу и уставился в окно.

Пиццына прямолинейность угнетала, но, в сущности, тот был прав.

Он вспомнил эти жалкие женские существа, которых знал. Они походили на этот общественный муниципальный транспорт, такие же расцарапанные, несчастные, с выжжен-

ными зажигалками на их душах именами, такие же затасканные, такие же заблеванные, привыкшие сперва предоставить себя, а потом ожидать доброты к себе. Факт в том, что доброта не приходила. Зато они сами приходили пачками!

Маленькие девочки, бедняжки из равнодушной школы, из неблагополучных семей отовсюду приходили в неформальные группы, в хиппанские коммуны, не из-за убеждений, просто за вниманием. И получали его.

Случалось и так, что после того, как Он, ее единственный, проблевавшись, тут же целовал ее, а после короткого траха засыпал, пуская слюни, на общественной кровати среди таких же помятых тел, она еще долго писала в тетрадках его имя, обводя его трогательным сердечком. Она так надеялась, что он придет, ждала его, ждала любви, а он, проснувшись, просто ничего не помнил. Потом друзья расскажут ему, что он еще кого-то поимел. Через пару лет эти девочки спивались, уходя из дома, слонялись по улицам и дворам, уже не похожие на людей, неопределенного с виду пола; они жались к прохожим от голода, клянчили деньги на алкоголь и хлеб, и страшно было представить, что им всего по шестнадцать-семнадцать лет.

Он видел это неоднократно.

Дин вспомнил свой первый раз.

Это было на трассе. Ей было пятнадцать, ему шестнадцать. Они на ночь застряли в каком-то маленьком городке по пути домой. Простояв полночи на трассе и чертовски замерзнув, они решили разыскать какое-нибудь укрытие. Укрытием стал первый попавшийся подъезд общежития, как обычно, зассанный, вонючий и заваленный шприцами. Там все и случилось. Сноровисто наворовав ковриков из-под дверей комнат, они улеглись на площадке между четвертым и пятым этажами. Там, как думалось Дину, должно было быть теплее, несмотря на многие выбитые стекла.

Все произошло быстро. По-детски неумело прижимались они к друг другу, стараясь скорее согреться, чем получить удовольствие. Два ребенка, застрявшие где-то на перекрестках дорог, в чужом городе, клялись друг другу в вечной любви, сопровождая слова неказистыми ласками. Там, далеко-далеко от дома, они казались себе особенно брошенными, там, на безымянной трассе, их маленькие души тянулись к друг другу, чтобы выжить в этой безжалостной стране. Там, под боком у спящих взрослых, дети искали в друг друге немного тепла, и, давая обещания друг другу, клялись скорее сами себе в том, что все будет хорошо.

Когда все кончилось, она уснула, а он укрыл ее своей курткой и еще долго смотрел на нее, спящую, пока холод не заставил его остаток ночи разгуливать по общаге, разгоняя кровь.

– Знаешь, там, за стеклом, как будто другой мир...

– Где? – Дин с опаской посмотрел на Пиццу. Как раз сейчас они проезжали ржавый стенд с названием района. Все его ценные части были оторваны и проданы на цветмет, но, в общем, ничего особенного, все было как всегда.

– Да нет, идиот, я не про это, там, за окном, в классе танцев. Понимаешь, у них там все не так, как у нас. Почему мы так далеки от них? Мы живем в одном городе, наши маршруты частенько совпадают, но мы не встречаемся, как будто пути эти мы проходим в разных измерениях. А то окно – оно, как дверь, между нашими жизнями.

– Конечно, в разных, они на машинах ездят, а ты вот в шестьдесят первом трясешься. Тоже мне пути. Да и какая это дверь, стекло оно и есть стекло, посмотреть можно, прикоснуться – нет!

Дин и Пицца поднялись с сиденья. «Остановка „Солнечный“, конечная», – прошипел динамик автобуса.

– Давай пивка захватим, – предложил Пицца, – а то Тимон с похмелья злой.

Предложение Дин с радостью принял, и оба уставились в зарешеченное окошко ларька.

«Солнечный» считался одним из самых непрезентабельных районов города, и зарешечено здесь было решительно все. Когда-то он вообще был чем-то вроде отдельного городка для рабочих близлежащих заводов, а потом, когда город

расширился, стал его нежелательной частью.

«Солнечный» делился надвое внушительным холмом, в связи с этим существовали так называемые «Верхний» и «Нижний Солнечный». Верхний и Нижний в былые времена отчаянно враждовали. Со временем глобальные битвы прекратились, но получить по голове на чужой территории можно было запросто. К счастью, Тимон жил в нижней части, и опасаться друзьям было нечего. Но и это только с недавнего времени.

С прекращением войны опасность далеко не исчезла. Район наводнили банды, состоящие из тех, что не собирались ни с кем мириться; эти банды повели войну уже за каждый двор, за каждый клочок земли, бои становились все изощреннее, те, кто не оказывался за решеткой или на кладбище, которое, кстати, было совсем рядом, закалялись в борьбе. Молодежи здесь делать было совершенно нечего, драки были чуть ли не единственным развлечением, и группировки пополнялись новыми кадрами, а стены домов пестрели разухабистыми надписями, вроде «месть за...» или «никогда не забудем...»

К тому же «Солнечный» славился своей повальной наркоманией, грязью, да еще стоял на отшибе, и там постоянно свистел жуткий ветер. Если на какой-нибудь лестничной клетке загоралась лампочка, то скручена она была этажом выше. Оторванные с корнем алюминиевые пластинки лифтов давно пошли на переплавку. А в самих лифтах воняло

так, что не продохнуть. Стальная дверь была безоговорочным атрибутом всех квартир, где еще можно было что-нибудь взять. Решетки на окнах поднимались до пятых этажей, и за этими решетками теплилась еще жизнь, не обращая внимания на крики и шум на улице.

Но нынче в районе наблюдалось затишье, в связи с еще не окончательной, но уже бесповоротной победой одной из враждующих сторон.

Сторону эту поначалу вообще никто не замечал. Их было мало, но агрессия и невытравимая злоба в душах побеждала всякий страх. Ко всему прочему, движение это набирало силу по всей стране. У них была идея, и она придавала им силы, объединяла их, в отличие от их соперников, руководствующихся вообще непонятно чем.

Скинхедами становилось все больше людей; многие забытые мальчишки шли к ним, ища помощи, со временем становясь полноправными участниками группировок. «В единстве наша сила...» – говорили они – и были правы. Отдельные группы всегда были связаны со скинами других районов и по первому зову были готовы прийти на помощь. Каждый знал свое дело, и стычки становились все кровавее. Поэтому в «Солнечном» скины вели себя уже как хозяева и открыто нападали на тех, кто им не нравился, даже среди бела дня. В подъездах, исписанных похабщиной, стали появляться свастики, а старые надписи сбивались ботинками новых владельцев района.

Дин и Пицца переправились через дорогу.

– Эй, сыновья помоек! – окликнуло их несколько бритоголовых парней, сидевших на остановке. Все они выглядели примерно одинаково: камуфляж, высокие ботинки, черные короткие куртки, у некоторых болтались спущенные подтяжки.

– Привет, железная молодежь, – здороваясь, ухмыльнулся Пицца.

– Угу, ты на Белого посмотри, – буркнул скин с незамысловатым прозвищем Скин, – видишь, у него полбашни в ошметки, это мы тут на стройку ходили.

– Ну, знаешь, – загалдели все, – тут недалеко чурки этот... центр здоровья строят...

– Ага, подлечились!..

– ...ну мы пошли, а их там, как грязи!

– Я тока смотрю, арматура летит – и этому по черепу – хлопбысь!

– Тимон нам рассказывал, – вставил Дин, – сидит на «стакане» ночью, бухает, тут из темноты рожа такая, в свет фонаря вырубивает, в кровище вся.

– Рожа моя была, конечно, – вступился молчавший доселе Белый, – а вот че вы в комок вырядились, может, к нам?

– Нам, товарищи геноссе, таких кадров не хватает, – завеселился скин по прозвищу Фридрих, – ба, да вы еще и с подарками!

Дин покрепче прижал к животу полторашки

– Пиво будет!

– Ну, вот так и знал, что на хвост упадут, – сказал он Пицце.

– Одно слово, фашисты, – разулыбался тот, и все довольно заржали.

– А камуфло, это да, к вам, – продолжил Дин, – Пицца вон лишай подцепил где-то, думаем, все равно лысеть!

– Ха-ха, очень смешно, на сейшн идете седня?

– Куда ж мы денемся? Ща к Тимону, пивка глотнем и туда.

Тимон открыл только после того, как Пицца смачно пнул банку с окурками в темный угол подъезда. Проскакав по лестнице, банка скрылась за мусоропроводом. За Тимоновой дверью слышались шаги.

– Блин, он че, в хакигах по дому ходит? – изумился Дин.

И когда хозяин наконец появился, оказалось, что это действительно так. Одет Тимон был несколько эксцентрично. На ногах высокие зашнурованные ботинки, трусы до колен держались на теле благодаря подтяжкам. Эффект дополняли татуировки нацистского толка и выдававшая виды сигарета, которую он больше жевал, чем курил.

– Че за грохот, а где пепельница?

– Это все нарики!

– Все они!

– А где нарики? – вытаращился Тимон.

– Почему я знаю, где твои нарики? – Пицца раздосадованно посмотрел на Дина. – Дай ему пива, что ли, а то на это смотреть больно!

Дин протянул Тимону полторашку и уселся на ступеньки.

– Слава России! – проямлил Тимон и сделал два больших глотка. – Я тут пока вас ждал, комедию смотрел какую-то, типа нашу, но не уверен. Ну такую модную, знаете? Секс там, трава, телки, америкосовскую, короче!

– Вот только пересказывать не надо! – взмолился уже застывший Пицца.

– Да не... Вот просто я думаю...

– Да ну? – опять встрял Пицца.

– Да погоди! Вот этот ограниченный мирок, который пытаются нам навязать, меня бесит! Понимаете? Всякие журнальчики там, дуры, которые этим дышат. Мир там – хорошо. Война – плохо, наверное, я против войны... Мы поможем голодающим детям, если у нас останутся деньги после покупки косметики...

– Накипело! – Дин посмотрел на Пиццу.

– Бывает, с похмельюги, – пожал тот плечами.

– Да вы послушайте! У них ведь какие мысли: мы в безопасности, а терроризм – это плохо! Плохие люди террористы и фашисты плохие люди, это в «Космо» написано было! Я бы с ними не спала...

– Ты бы «не спала»?!

– Ну не спал бы, я не об этом! Библия, блин! Но мы-то в безопасности, наша власть нас защищает! А значит, мы и дальше будем ходить по клубам и бутикам. И в этом мире понятия не имеют, что есть боль, страдание, ужас, смерть! Для них старость страшнее смерти! Они ее только в кино видели, на вип-диванах, с шутками-прибаутками! А говорить об этом у них – табу! Все прекрасно, все цветет и пахнет! Воняет, аж тошнит! Вот бы война! На танке бы все это дерьмо разнести! Вермахта и карательных отрядов на их лак для ногтей не хватает! Честное слово!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.